

A man in a light grey suit and a woman in a red dress are featured on a book cover. The man is standing in the background, looking towards the camera. The woman is in the foreground, smiling and looking towards the camera. The background is a blurred indoor setting with a window. A red ribbon graphic is visible at the top and bottom of the cover.

САЛМА КАЛЪК

18+

ПОДАРОЧЕК

Салма Кальк

Подарочек

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67380083

SelfPub; 2022

Аннотация

"Никогда не заговаривайте с неизвестными", – сказал классик. Или что-то около того. И был прав. Не заговаривайте, особенно мартовской ночью на пустыре. Потому что кто знает, куда заведёт вас этот разговор! Ирка Семёркина однажды попробовала, слышали, что из этого вышло?

Содержание

1	4
2	8
3	13
4	19
5	25
6	29
7	33
8	37
9	42
10	47
11	51
12	58
13	61
14	66
15	71
16	76
Конец ознакомительного фрагмента.	77

Салма Кальк

Подарочек

1

– Ирина Васильевна, задержитесь, пожалуйста, нужно поговорить.

Визит коменданта общаги, в зале которой Ирка только что закончила танцевальное занятие на несчастных шесть человек (ой нет, на целых шесть человек!), не предвещал ничего хорошего.

– Конечно, Анна Семеновна, я вас слушаю.

Анна не была вредной, Анна была пугливой. Она была готова пускать в здание и танцоров вроде Ирки с группой, и любителей настольных игр, тем более что половину из них составляли местные студенты, и анимешников, и додатком к тому всякой твари по паре. Но если вдруг кто-то из верхнего начальства начинал интересоваться тем, что это такое происходит в общежитии № 13, Анна тут же поднимала лапки кверху и говорила – а ничего. Вот и сейчас в соседнем общежитии № 11 вчера случилась драка с тяжкими телесными, полицией и всеми удовольствиями, и Анна несчастным голосом сообщила, что ей уже сказали – будут всё проверять.

И поэтому – чтобы духу Иркиного в зале не было примерно две недели, а лучше – до конца месяца. Что? Вечеринка на восьмое марта? Да вы с ума сошли, голубушка! А если тут у меня проректор придёт и будет проверять, что я ему скажу? Вот, то-то. Ничего личного, такие правила. Да, деньги за март отдайте сейчас. Конечно, за то, что уже провели. Сколько было занятий? Два? А что так мало? Только первая неделя? Ну ладно.

Ирка мрачно кивнула, пересчитала ещё раз в уме оставшийся доход от занятия, поняла, что на него не то, что подарок себе не купишь, а даже и еды нормальной к празднику, что зарплату на работе дадут только десятого марта, а сегодня всего лишь шестое. Оделась – несмотря на как бы уже весну, природа одарила двадцатипятиградусным морозом, и поплелась домой.

Можно было пойти на остановку и подождать транспорт, но в половине десятого вечера да по холодку транспорт был чем-то из разряда волшебной сказки. Ничего, подумала Ирка, дойдёт, не развалится.

Телефон тренькнул, сообщая, что кто-то написал в вайбер. Вдруг по делу? Тьфу, Димка. Бывший, с которым расстались... ну просто расстались. Он сообщил, что нашёл любовь всей своей жизни, а она вдруг поняла, что устала от него. Конечно, сердце то и дело ныло, потому что был он свой до чёртиков, и как его такого – отпустить, но не было у неё такой власти над ним, чтобы не отпускать. Поэтому как

вышло, так вышло. Но иногда у Димки с той любовью случались осечки, и он по старой памяти напрашивался в гости. Спал на диване в большой комнате, на большее претендовал, конечно, но Ирка отшивала. То есть пыталась.

Ирка не умела говорить «нет». Она, ясное дело, умела произнести три заветных буквы, и смысл их понимала отлично, но когда тебе в глаза смотрят и о чём-то просят – никак не могла отказать. А потом костерила себя, на чём свет стоит.

Вот и сейчас: «Пусти переночевать, у меня полный триндец».

Пусти переночевать, накорми ужином, завтраком и как бы ещё потом не обедом. Пусти в стиральную машину – у него нет. Дай высушить трусы. То есть классика – лисичка на лавочку, хвостик под лавочку. Так кушать хочется, что жить негде. Ирка, не задумываясь, ответила кратким «Нет» – написать-то проще, чем в лицо сказать. И так всё плохо, ещё только не хватало на Димкину рожу смотреть и его страдашки полночи слушать. Да и кормить его нечем, а сам он ни в жизни не догадается еды принести.

«Ну Ира, ну ты чего». Его любимая фразочка. Ну ты чего. «Дима, иди на хер, не до тебя сейчас».

Положить телефон в карман и живее перебирать задними лапами, а то холодно.

От общежития до Иркиного дома было недалеко, просто через огромный пустырь, отделяющий друг от друга два района города – Академгородок и окрестности политеха. То есть

нет, уже не пустырь, потому что на нём построили зимний стадион и библиотеку, но по смыслу – темно, мрачно, и для пешеходов только протоптанная в снегу вдоль проезжей части тропинка. Об эту пору суток на тропинке уже не встречалось никого – все нормальные давно дома, а ненормальные тоже в более приятных местах – так-то пятница перед праздником, люди гуляют. Поэтому Ирка очень испугалась, когда вдруг услышала из ближайшего сугроба:

– Д-д-девушка, вы не д-д-дадите телефон поз-з-звонить? Мне оч-ч-ч-чень нужно...

2

В сугробе сидел мужик, и язык у него заплетался. Ирка уже было хотела рефлекторно дунуть оттуда на всей возможной скорости, но всё же зачем-то посмотрела в тот сугроб. И офигела – потому что мужик сидел в снегу в одной рубашке и штанах. И с галстуком. Нормальной зимней одежды на нём не было.

– Ты чего, набухался, что ли? – она так удивилась, что даже заговорила.

С незнакомым мужиком. Ночью. На пустыре! Ирка была девушкой пугливой и обычно бежала от такого, сверкая пятками. По ходу, сегодня последние мозги где-то растеряла.

– Ну т-т-типа да, но уже всё выветрилось. Мне бы п-п-позвонить, чтоб меня забрали отсюда.

Мать-мать-мать, он же задубел так, что язык не ворочается! И зубы стучат!

– Сейчас дам, – Ирка вытащила из кармана телефон – свою верную «соньку» – и дала ему.

Если он вдруг проявит чудеса скорости и свалит с её телефоном – значит, судьба такая. Поживёт, значит, Ирка без телефона, потому что нынешнему пошёл шестой год, он виснет почём зря раз в день стабильно, тормозит со страшной силой, быстро теряет заряд и глючит самыми разными спо-

собами.

Мужик взял телефон и попытался его включить. Видимо, замёрз, и пальцы тоже замёрзли, и телефон ни хрена не включался. Ирка взяла его и сама начала давить на кнопку «пуск», но увы, экран оставался тёмным. По ходу, телефон тупо вырубился от холода, и теперь включится только в тепле. Или не вынес Димкиного нытья. Что же делать-то?

– Не в-в-включ-ч-чается? – мужик уже и языком еле ворочал.

– Неа, замёрз, холера, – покачала головой Ирка. – Вот что, герой. Поднимайся-ка и пошли. В тепло. Из дому позовишь, куда там тебе надо.

– А д-д-далеко идти?

– Нет, вон видишь, дома светятся впереди? Один из них мой. Давай руку.

Она взяла его за руку и потянула из сугроба, он не сразу, но встал. И оказался сильно выше Ирки, ну да это не трудно. На ногах у мужика были нормальные зимние трекинговые ботинки, и это никак не вязалось с его остальным видом.

– Ты как сюда попал? – спросила она.

Они шли по узкой дорожке – Ирка впереди, подобранец сзади. Она крепко держала его за руку, потому что сам он двигался еле-еле, а надо было пошевеливаться.

– Да я не знаю. Отмечали праздник, пили какой-то убойный самогон. Это помню, больше ничего не помню.

– О, круть. Кто празднику рад, тот за неделю пьян.

– Вроде того, – усмехнулся он.

Кажется, подобранец начинал понемногу оживать – шёл увереннее, говорил, не стуча зубами. Уже хорошо. О том, что у такого подобранца неизвестно что в голове – Ирка в тот момент не думала. Совсем не думала.

Срезали путь через заправку, прошли мимо ресторана, где явно тусили по случаю праздника, перешли дорогу, на которой уже и машин-то почти не было – вот и Иркин дом. Она нашла в рюкзаке ключи, открыла подъезд и потянула подобранца внутрь.

– Пошли, нам на пятый этаж. Шевели ногами, быстрее согреешься.

Подобранец не возражал. Наверх они добрались молча, дальше Ирка отперла обе двери в квартиру – и железную, и деревянную, древнюю, и снова потянула его внутрь.

– Заходи. В обморок не падай, я гостей не ждала.

Он как зашёл, так и сел на обувную полку, и даже глаза закрыл.

– Тепло. Ну ни хрена ж себе – тепло...

– Башмаки снимай, проходи и грейся, – Ирка кивнула на большую комнату. – Я сейчас включу телефон – позвонишь, кому там тебе надо.

Сама она сняла ботинки и пуховик, забросила на вешалку шапку, привычным аккуратным жестом подхватила рюкзак с ноутбуком и утащила его на крошечную кухню. Чайник надо поставить, дать ему внутрь горячего. Наверное, надо под душ?

Или наоборот, не надо? Пусть в комнатной температуре согреется? Ирка ткнула кнопку чайника и пошла посмотреть.

Подобранец сидел на диване, он снял рубашку и растирал руками плечи, торс и куда там ещё доставал. К слову, выглядел он очень неплохо – скульптурной формы тело, чёрные волнистые волосы, небольшая бородка и усы. Наверное, лет ему, как и ей, может немного побольше. Глянул на неё – глаза оказались карими, а нос прямым и аккуратным – и спросил:

– Телефон-то посмотришь? Может, он тоже согрелся?

– Момент, – кивнула Ирка.

Достала из кармана пуховика телефон, подышала на него, потёрла об джинсы и принялась включать. Сначала обычным образом – не прокатило, потом экстренным – кнопка «пуск» плюс кнопка громкости. Это, в конце концов, сработало.

– Сейчас, загрузится. Он тормозной. Я могу дать тебе горячего чаю, будешь? Коньяк не предлагаю, – усмехнулась она и передала ему телефон.

– Нет, коньяк уже не надо, – он улыбнулся. – Меня Андрей зовут.

– Ира.

– Спасибо, Ира, – он посмотрел ей прямо в глаза, поймал её руку и легко коснулся пальцев холодными губами.

Охренеть. Руки Ирке, можно сказать, никогда и не целовали.

– Да не за что. Тебе очень повезло, что я не испугалась и не убежала. А я могла, я обычно так и делаю.

– И это понятно, – кивнул он. – Да, я с удовольствием выпью чаю, пока буду дозваниваться и ждать.

3

Ирка Семёркина была из тех, кого неизвестно почему называют «сильными девушками». При этом росту в ней было от горшка два вершка, то есть честных сто пятьдесят пять сантиметров, а комплекция её лучше всего описывалась словами «соплёй перешибёшь». Универовский друг-приятель Славка так и говорил – ну что ты за девушка, Ирка, ни груди у тебя, ни жопы, даже подержаться не за что. На что Ирка обычно отвечала что-нибудь вроде – а на кой тебе, мил друг, моя грудь и моя жопа? Ты вроде начинал с книжек к семинару и есть ли они в нашей библиотеке? Так вот я сейчас туда пойду, а ты иди за мной и никуда не сворачивай, ясно? Но у них со Славкой это был исключительно трындёж, ничего под собой не имеющий, ни серьёзного, ни просто так. Впрочем, как и у разных других – Ирка всегда была источником конспектов и правильных ответов, а после, когда универ остался в прошлом, трёх соток до зарплаты или вовремя подставленного плеча – если бросил любимый мужчина, заболел ребёнок, не выплатили зарплату или вовсе сократили с работы. Круг общения Ирки был велик, так сложилось, но так же и сложилось, что сама Ирка в сложной жизненной ситуации не ходила ни к кому. Ну не могла она прийти или позвонить и сказать, что всё пропало, что денег нет, а до зарплаты неде-

ля, что работа задолбала, а Дима ушёл. Говорила, конечно, но – между делом, не акцентируя на этом ничьего внимания. И все воспринимали это, как должное – ну, Ирка же сильная девушка, она справится.

Девушка та ещё, конечно, через месяц тридцать три стукнет, но в магазине и в транспорте к ней всё равно обращались – «девушка».

Правда, сама она никакой небывалой силы в себе не ощущала. Ну подумаешь, отстояла в дичайшем скандале с родаками «право наций на самоопределение» – после школы не осталась в маленьком городке с полусотней тыщ населения, а подалась в областной центр. Когда это было-то! И не в техникум легкой промышленности, как думал отчим, и на что намекала мама, а в универ на истфак. На бюджет, между прочим. Последний факт произвёл сильнейшее впечатление на деда, маминого отца, и он все пять лет универа оплачивал Ирке съёмную квартиру – учишь, мол, внучка, не посрами нашу семью. Мама, правда, охала и ахала, как же она там одна будет в целом городе, но Ирка только плечами пожала – я не одна, я с Олей.

Олей звалась любезнейшая Иркина подружка ещё с пятого класса, всю дорогу за одной партой, и потом ещё весь универ так же. У Ирки пил горькую только отчим, а у Оли – и родители, и ещё старший брат с женой, поэтому для неё единственным вариантом не спиться к хренам за компанию было – учиться, как зверь, и после школы уезжать из города

с концами. Оля и уехала – вместе с Ирккой.

В съёмной квартире жили вместе. Оля с первого курса подрабатывала – где-то мыла полы, где-то раздавала рекламу, где-то ещё как-то, в общем – крутилась, ей-то никто ничего не оплачивал и денег не давал. Иногда зазывала Ирку работать вместе – если сроки горели, а деньги обещали заметные. На заработанное покупала продукты, Ирка же помогала с учёбой. Так и выучились.

Ирка после выпуска вооружилась дипломом и пошла искать работу по специальности. То есть – преподавать историю. Почему-то она решила, что ничего больше делать не умеет. Преподавать она тоже тогда ещё не умела, но если бы ей кто-нибудь об этом сказал – обиделась бы не на шутку и послала далеко и нехорошо. Она не сразу, но нашла место в школе, ездить в ту школу было от её съёмной квартиры только с пересадкой, но уж как вышло. Оля же торжественно положила на своё университетское образование большой болт и стала учиться всяким прикольным прикладным штукам – массажу, наращиванию ногтей и парикмахерскому искусству. Даже окончила какой-то профильный колледж, и Ирку туда на подработку подтянула – им как раз был нужен историк на почасовку. И сейчас благоденствовала в съёмной, но очень хорошей квартире – в новостройке, с приличным ремонтом, да ещё и всяческой техникой хозяева обеспечили. Ирка же снимала убитую двушку, правда, в хорошем районе. От работы близко, можно пешком ходить.

Работала же сейчас Ирка в политехе. То есть, назывался он вычурно и пафосно –технический университет. А по сути – политех политехом, просто добавили гуманитарный факультет, чтобы вышел тот самый университет, а по смыслу этот факультет был там нужен, как рыбе зонтик, и специалисты получались тоже... всякие.

Ирка работала на общеполитеховской кафедре философии, и должность её называлась многословно – заведующая методическим кабинетом. По факту – администратор кафедры. Местное представительство учебного отдела, отдела кадров, службы составления расписания и бог весть чего ещё. Ну и почасовку хватала, если появлялась возможность, а поскольку распределением нагрузки занималась она, то и возможность обычно находилась.

Преподавание философии Ирку восхищало, и спроси её кто, чего ей в жизни хочется, она бы ответила – защититься и преподавать философию. Но увы, в аспирантуре она прочилась требуемое количество лет, выполнила кучу каких-то заданий, написала несколько статей и сдала все положенные экзамены, но подготовить собственно работу и защититься не смогла. Потому что правильно сказал кто-то из древних, не то Платон, не то Сократ – чтобы заниматься философией, нужно быть свободным от забот о хлебе насущном. Ирка же свободной не была, вечно болталась как кое-что кое-где между подработками, потому что сначала учительской, а потом и другой-прочей зарплаты отчаянно не хватало. Подра-

ботки встречались самые разные – и статьи в газеты она писала, когда ещё были бумажные газеты, и копирайтерством занималась, и новостные сайты вела, и тексты с английского переводила.

Самая экзотическая подработка сложилась у неё пару лет назад – вести танцы для взрослых. Началось с разговора в компании между делом – а не потанцевать ли нам, а что, а где, а как и вообще. И тут вдруг вспомнили, что Ирка-то в детские годы и в музыкалку ходила, и в школьный танцевальный кружок, и уж основы вальса и польки-то всяко помнит и может рассказать-показать. Она же и место придумала – договорилась с одним из политеховских общежитий, где на первом этаже был неплохой зальчик, даже и не зальчик, а просто фойе, в котором были стул и розетка, и туда можно было включить её ноутбук с колонкой. Обещала местных студентов, ежели таковые придут, брать бесплатно, как и местных сотрудников. Но их почти не случалось, а ходили к Ирке за небольшую денежку знакомые и знакомые знакомых, чисто чтобы провести время с пользой и удовольствием. У Ирки на танцах было весело, и она надеялась, что интересно. Кроме занятий, случались вечеринки, где танцевали всё, что выучили к этому моменту. И как раз такую восьмимартовскую вечеринку Ирке жестоко обломали вместе с помещением. И ещё занятия, которые случались три раза в неделю, и теперь отменяются на неопределённый срок, и теперь нужно не забыть написать в группу, и позвонить тем,

кто в соцсети не ходит.

А там, глядишь, и подобранца заберут.

4

Ирка ушла в кухню – наливать чай. Потом подумала, вернулась в комнату и достала из серванта две красивые чашки. Тем временем подборанец Андрей звонил, то есть явно набрал номер и ждал, а ему оттуда говорили – телефон абонента выключен или находится вне зоны действия сети.

– Ты кому звонишь-то?

– На свой номер, где-то же он есть.

– А с кем тусили?

– Да я тут в командировке, по работе. Вот с коллегами и тусили. Я геолог, они тоже.

– Понятно, выпить не дураки, – среди Иркиных знакомых геологи встречались. – Где праздновали?

– Рядом с вашим политехом. Был народ оттуда, с профильной кафедры, и из института ещё.

– Геологического?

– Да.

– А живёшь где?

– Мне квартиру сняли, недалеко от политеха. Только у меня ключи остались в куртке, а где та куртка – ещё надо узнать.

– Ок, звони.

Ирка пошла на кухню, заваривала там чай, соображала,

из чего можно сделать хотя бы бутерброды – в холодильнике не то, чтобы мышь повесилась, но близко к тому, а правило было вбито с детства насмерть – гостя надо кормить. Даже такого вот странного. А за продуктами она и вчера не ходила, и сегодня не вышло. Но потом нашла вареное яйцо, которое не успела съесть утром, потому что проспала, его можно порезать тонкими ломтиками, открыла банку паштета, хлеб вроде ещё нормальный, ну, подсохший, но плесени-то нет, и пахнет едой, сливочное масло вроде тоже ещё есть, и солёные огурцы. Типа набор для бутербродов. Сама-то она хотела есть, как хищник на охоте, потому что обед был как обычно, во время третьей пары, то есть – в двенадцать дня, а сейчас уже половина одиннадцатого вечера. Сгрузила всё это, плюс чашки, на большой поднос, и притащила в комнату.

– Тебе чай с сахаром? – а он вообще у неё есть, сахар-то?

Возможно, что и есть, пекла же блины на масленицу.

– Нет, сахар не нужен.

– А молоко?

– Тоже.

Вот и отлично, потому что молока – только на завтрашний утренний кофе, и всё. Ирка притащила заварник и чайник, разлила чай.

– Ну как, удалось дозвониться?

– Мой телефон выключен, а других номеров я на память не знаю.

– Соцсети могут помочь?

– Да, – кивнул подобранец. – Если можно – было бы неплохо.

– Контакт, фейсбук?

– Фейсбук, – кивнул он.

Ирка притащила ноут, пробудила его ото сна и открыла браузер. Нашла окно фейсбука, вышла из своего аккаунта и протянула комп ему.

– Вперёд. И удачи.

Он вошёл в аккаунт, она подсмотрела краем глаза – Андрей Пяточкин. И фотка определённо его. Он открыл мессенджер и принялся кому-то что-то писать.

Ирка налила себе ещё чаю, и намазала ещё один бутерброд. Вообще хотелось не только есть, а ещё помыться и спать, ну, или хотя бы принять горизонтальное положение. Но надо ждать – он же сейчас найдёт кого-нибудь, и за ним приедут.

Андрей написал несколько сообщений, принялся ждать. Тоже намазал бутерброд, и налил чаю. Еда стремительно заканчивалась.

– Спасибо, Ира. Наверное, я ещё немного подожду. Ничего?

– Ничего, – что ж теперь, раз выудила из сугроба, отправлять его туда обратно?

Она взяла телефон и ушла на кухню. Хотелось кому-то про всё это рассказать, а кому? Только Оле. Оля сегодня гуляет, у их косметического салона корпоратив в хорошем ре-

сторане, поэтому Ирка не стала звонить, а написала. Как есть – спасла из сугроба раздетого мужика, теперь поит чаем и ждёт, пока он куда-нибудь дозвонится, чтобы сдать его кому-нибудь. Оля как сможет – прочитает.

И надо же ещё написать про отмену вечеринки. В группе, и некоторым – в мессенджеры и в личку. Это заняло минут пятнадцать.

Ответы стали приходить почти сразу. Кто-то просто говорил «спасибо», кто-то огорчился, что не будет хорошего мероприятия, кто-то пытался придумать свой вариант места проведения. В основном те, кто был сегодня, и ещё пара-тройка человек.

Телефон завопил мелодией, которая обозначала одного-единственного конкретного персонажа из всего обширного списка контактов.

– Привет, солнце, ты чего звонишь? Ты же гуляешь в сторане?

– Хер ли мне гулять, если ты там такое вычудила? – с места в карьер начала любимая подруга. – Сёма, ты с дуба рухнула, да? Кукухой поехала? Тащить в дом какого-то мужика с улицы?

Сёма – потому что Семёркина. Ещё со школы между ними повелось.

– Так получилось. Сегодня не мой день, да и всё. Меня на неопределённый срок поперли из общаги с танцами, на занятие пришло шесть человек из пятнадцати, зарплату не

дали, и ещё Димка ломился переночевать, да я его послала. Баба, не кипешуй. Всё уладится. У всех. У кого вообще корпоратив? Вот иди, пей дальше и танцуй. И завтра позвони, расскажи, как всё было.

– Я завтра, как просплюсь, к тебе приеду! Я могу и сегодня! – заявила Оля, и Ирка не усомнилась ни на минуту – приедет, как есть приедет, если только заподозрит, что с Иркой что-то фатально не так.

– Сегодня ты лучше дома поспи, ок? А завтра приезжай. На заднем плане слышалась музыка, и ещё кто-то её звал.
– Да погодите, я сейчас, – говорила кому-то Оля, она же Баба. – Сёма, поняла? Завтра жди, приеду! А то потом твоя мама с меня не слезет! Она же вечно считает, что это я на тебя плохо влияю!

Точно, прямо с пятого класса. Так и есть, кроме шуток.
– Лады, уговор. Всё, Баба, вали-ка ты танцевать, ладно?
– Ушла, уже ушла. Дзынь! – очевидно, она чокнулась с телефоном. – Пока-пока!

Ирка опустила руку, выдохнула и увидела стоящего возле двери в ванную гостя.

– Это что у тебя за бабушка такая? – он не понимал, ясное дело, он не понимал.

– Это не бабушка, это подружка. Просто у неё фамилия – Бабина. А мы со школы дружим, вот и зовём друг друга, как привыкли. Так-то она Оля. Как твои дела? Удалось кого-нибудь найти?

– Пока нет, сообщения не прочитаны. Видимо, продолжают гулять. Думаю, должны вскоре найтись – я написал троим, хоть кто-нибудь же из них посмотрит в телефон в конце концов.

– Не факт, – помотала головой Ирка. – Вот что, иди-ка ты в ванную и ложись спать, я постелю в большой комнате. Утро вечера мудренее, завтра все проспятся и найдутся.

– А ты?

– А у меня ещё одна комната есть. Я не пропаду.

И тут они услышали стук в дверь. Да не просто аккуратный стук, а будто кто-то долбился в неё со всей силы.

– Может, это за тобой? – неуверенно спросила Ирка.

Так-то у неё уже был вариант, кто там долбится, но вариант был хреновый.

– Я пока не писал, где нахожусь. Только чтобы нашлись и дали о себе знать, а там бы и договорились, – покачал он головой

Стук в дверь не прекращался, сейчас ещё и соседи материться придут – так-то дело к полуночи. Ирка скривилась, пошла в прихожую и открыла.

Точно, как она и думала. Димка, чтоб ему кто-нибудь уже мозги встряхнул, паразиту. Ключ от домофона специально себе зажиллил, скотина, чтобы к ней ломиться. Хорошо хоть других ключей у него нет.

Ирка почувствовала себя невероятно усталой.

– Дима, я тебе всё сказала. На хер – это вон туда, – и показала на лестницу вниз. – Прямо, потом всё время направо, не доходя, упрёшься.

– Ну, Ирка, ну ты чего, – он был поддатый, и было ему море по колено.

Шапка съехала на бок, пуховик расстёгнут, верхняя пуговица от рубашки оторвалась и потерялась. Светлые волосы всклокочены. Тоже, поди, где-то праздновал. Ничего, пусть

к друзьям идёт, у него их хватает. Но Димка не хотел к друзьям, он хотел сюда, он уже практически стоял на пороге квартиры и уже видел себя в её ванной, а потом ещё и в чистой постели.

– Ирка ничего, – подобралец мягко отодвинул её себе за спину. – Она ясно сказала, что тебе здесь не рады. Отстань от девушки и иди отсюда.

Димка аж рот разинул от удивления. Ну да, чтобы у неё, да мужик в доме, да ещё незнакомый ему – это что должно случиться-то. А вот случилось.

– Ну ты бы сразу сказала, что тебе тоже потрахаться надо, – обиженно протянул Димка.

– А не твое собачье дело, что мне надо, – буркнула Ирка из-за плеча.

Андрей закрыл дверь и запер её на замок, потом вторую тоже. Димка поматерился снаружи и потащился вниз по лестнице. Ирка припала ухом к двери, слушала, и только когда внизу громко, со всей дури хлопнула дверь подъезда, можно было выдохнуть.

– Спасибо, – почему-то ей было неловко на него смотреть.

– Да ладно, ты меня от худшего сегодня спасла, я б там и вправду замёрз. Я уже засыпал, когда увидел, что кто-то мимо идёт, и еле языком ворочал, когда просил позвонить.

– Ерунда, проехали. Сейчас дам полотенце и постелю.

Ирка отправила гостя в ванную, постелила на диване,глянула в ноут – без изменений, сообщения даже не прочитаны,

и снова пошла на кухню. Помыть посуду, убрать всё, да и спать. Ещё зашла в контакт, глянуть, не написал ли кто про танцы.

Написал. Начали отписываться те, кто сегодня не пришёл на занятие и даже не предупредил об этом. Ирка с удивлением узнала, что семеро добрых приятельниц намылились на восьмимартовский бал к кому-то там, в какую-то студию, где рады всем и по ходу научат всему, чего они не знают. А сегодня они были на прогоне к этому балу, и там было весело. А почему не сказали? Ну, не сказали. Ты бы обиделась.

Блин. А так-то она не обиделась, конечно. Так-то вообще круто-здорово, не передать. Могли бы и все вместе сходить. Норм, да – она с ними возится, а потом вот так. Эх. Ирка включила разум и стала проговаривать себе, что люди с ней только до тех пор, пока хотят и могут, и не более того. Ну да, предупредить могли, так-то знали, что она готовит вечеринку. Но теперь уже как есть. Вдохнула и выдохнула.

И ещё написала пару поддерживающих комментариев в беседу, где знакомые девы выпускали пар и жаловались на жизнь. Это помогало отвлечься от собственных бед.

Вот, блин, так всегда – сильная девушка Ирка справится. Сильная девушка Ирка не захочет ни с кем ссориться и всё уладит наилучшим образом.

А может, она на самом деле не сильная девушка, а просто трусиха, у которой не хватает духу объяснить, что с ней так не надо?

Ей стало до того себя жаль, что она положила телефон и заплакала, прямо как какая-то дурочка. Денег нет, хорошо хоть за квартиру платить одиннадцатого, зарплаты опять на всё не хватит. Димка сволочь. Пожалетого подобранца не забирают. Задрало.

Вылез таракан, увидел плачущую Ирку, пошевелил усами. Позвал пару друзей, или родичей, или кто они там у него. Встали рядком, да так ровно – танцорам бы Иркиным у них поучиться, и стали шевелить усами вместе. Вот, ещё этих сволочей надо травить, совсем распоясались. Ирка швырнула в них тапком, не попала ни в одного, но хотя бы испугала – разбежались. Взяла полотенце, чтоб сподручней реветь и швыркать носом.

Рука осторожно легла ей на плечо.

– Ира, тебе можно чем-то помочь?

– Что? – смысл услышанного не доходил до неё, не укладывался у неё в голове.

– Я могу для тебя что-нибудь сделать?

– Можешь, – всхлипнула она. – Иди спать. И пусть завтра найдутся твои друзья, твой телефон, твоя одежда и что там ещё у тебя есть.

– Если тебе это поможет – так и поступим, – кивнул он и ушёл в комнату.

А Ирка вытерла слёзы и тоже пошла мыться. И потом спать.

Будильник завопил ровно в восемь – это до чего вчера надо было домудохаться, чтобы забыть его выключить! Так-то выходной, можно бы и поспать. Но спать уже не получилось – Ирка ворочалась с боку на бок, да и всё, и ещё не давала покоя мысль о чужом мужике в соседней комнате. Интересно, его друзья найдутся сегодня? Если что, можно посмотреть по спискам кафедр политеха, если гуляли с кем-то оттуда, он же, наверное, знает, как тех людей зовут, можно найти номера телефонов, Ирка знала, где искать.

Она встала, потянулась, нашла какой-никакой халат и поплелась в ванную. Дверь в большую комнату была закрыта, звуков оттуда не доносилось. Но когда она умылась, зачесала волосы в хвост, оделась и пошла на кухню варить кофе, гость тоже высунулся наружу.

– Доброе утро, Ира, – он улыбнулся, и ей, пожалуй, понравилась его улыбка.

Вчера было не до улыбок – ни ему, ни ей.

– Доброе утро. Кофе будешь?

– Спасибо, не откажусь.

Наверное, из остатков хлеба можно попробовать сделать гренки, чем Ирка и занялась.

Андрей умылся, оделся и пришёл на кухню.

– Какие новости? – спросила она, переворачивая куски хлеба в сковороде.

– Хорошие, – кивнул он. – За мной подъедут через полчаса.

– Тебе рассказали, что там у вас вчера вышло?

– Да бред вышел, – отмахнулся он. – Пили, как не в себя, потом поехали из ресторана домой к одному товарищу из компании. Ехали ещё на одном, который был за рулем и вроде как трезв, но его машине сто лет в обед и она местами нуждается в ремонте. Все не поместились, хоть это был и немалый такой минивэн, и они утверждают, что я вдвоём с коллегой забрался в багажник, он большой. Но багажник в той машине нормально не закрывался, его нужно было держать за верёвку изнутри. А все слишком много выпили, и на необходимость держать быстро забыли. Багажник открылся, и я вывалился наружу, они и не заметили. А почему раздетый – говорят, мне было жарко, и я всё с себя снимал – и куртку, и шапку, и пиджак. Только я ничего из этого не помню. Но говорят, я не один такой беспамятный, просто мне не повезло вчера. Или наоборот, повезло. Не повезло бы, если бы ты мимо не шла. Короче, никому нельзя пить, – усмеялся он.

– Никому, – весело откликнулась Ирка. – Хорошо, как раз успеешь кофе выпить.

Он успел точь-в-точь. В домофон позвонили как раз в тот момент, когда Ирка ставила чашки в раковину. И когда она

их потом вытирала, постучали в дверь – звонок в этой квартире отродясь не работал.

Ирка открыла, увидела на пороге двух мужиков, одетых прилично, но выглядевших помято. Неудивительно, если они там вчера так круто гуляли, что допились до беспамятства и теряли людей по дороге!

Мужики вошли, вежливо с ней поздоровались, и очень обрадовались Андрею. «Живой, скотина» – было самое мягкое, что услышала Ирка, впрочем, все радостно смеялись.

– Девушка, вы спасли нам очень ценного специалиста! – сказал один из пришедших.

– Вот и отлично, забирайте его, только одеть сначала не забудьте, а то он вчера в сугробе чуть в сосульку не превратился, – усмехнулась Ирка.

– Непременно, – второй мужик показал большой пакет, в котором нашлась вся необходимая одежда, и крутящий телефон – он был выключен, оказывается, но в руках хозяина включился и показал все пропущенные вызовы с Иркиного номера, и клёвая спортивная куртка, в которой хоть в горы зимой, и даже шапка.

– Девушка, а это – вам, с большой нашей благодарностью, и просим прощения за беспокойство, – ей сунули второй пакет.

Ирка попыталась не взять, но её даже и слушать не стали – прямо вложили в руки, а пакет был тяжёленький.

И отправились восвояси.

– Спасибо, Ира, я тебе очень благодарен, – сказал на прощание Андрей. – У тебя там есть мой номер, я вчера звонил на него весь вечер, и ещё неделю я в вашем городе. Если вдруг что-то нужно – звони. Если хоть что нужно, я так-то многое могу. А если не я – так коллеги.

Поцеловал её в щёку, вышел и аккуратно прикрыл за собой дверь.

Ирка заглянула в пакет – дорогое шампанское, огромный торт «Полёт», большая коробочка «рафаэлок» и гиацинт в горшочке.

Ну что, можно праздновать. Тем более, что телефон ожил, и Оля, она же Баба, громко верещала, что она уже идёт к Ирке с остановки.

Оля ворвалась в квартиру, как стихийное бедствие.

– Ты жива, моя старушка! Ты даже и вообразить не можешь, как я рада! Ну, где твой подобранец? Показывай!

– Забрали, – усмехнулась Ирка. – Приехали два крепких мужичка, привезли его одежду, а мне выдали орден за спасение, – кивнула на пакет, так пока и не разобранный.

– Ух ты, – восхитилась Оля. – Круть! Сожрём? – и смотрит на Ирку с надеждой.

– Сожрём-сожрём, – Ирка пошла на кухню и поставила чайник. – Расскажи, как у вас вчера прошло?

– Ни хрена, ты первая. Что у тебя вообще вчера был за день, что ты начала мужиков подбирать на улице! Ещё, поди, и бухой был?

– Уже почти нет, всё выморозило. Но, наверное, принял на грудь неплохо, если ни хрена не помнил о том, как в сугробе оказался!

Ирка рассказала про вчера – как шла домой и хер пойми почему остановилась и стала разговаривать с неизвестным мужиком, сидящим в сугробе.

– Ну ты поняла вообще, как тебе повезло? Так-то он мог и голову тебе проломить!

– Поняла, поняла. Все иногда делают странные вещи, вче-

ра была моя очередь. Сама не знаю, что на меня нашло.

– Ладно, главное – с тобой всё хорошо! Хоть симпатичный?

– Да, ничего себе. Сейчас покажу, – Ирка открыла фейсбук, забила в поиск «Андрей Пяточкин», и вскоре уже открыла его страницу.

– Фу, с бородой, – не одобрила подборанца Оля. – Но тебе должно быть норм.

– А чего мне норм, мы жизненными историями не делились, я не в курсях, может у него жена и пятеро детей.

– На странице ни слова о том, что есть жена и дети. И фотки все соло, без семьи.

– Ну Баба блин, а то ты не знаешь, что сильно не каждый напишет в соцсети всё про своё семейное положение!

– А он как, заигрывать не пытался?

– Да нам вообще было не до того. Он отогревался, а мне и так хватило, что делать и о чём думать.

– Во, о чём думать. Что там у тебя приключилось?

– Да всё, как всегда. Я же особо везучая у нас, а жопа имеет свойство притягивать к себе другую жопу.

– Так-то да. Давай, тащи чай, будем потрошить твой клёвый торт. Да можно и шампанское, наверное. Судя по бутылке, оно должно быть очень даже ничего.

Ирка притащила чашки и чайник-заварник, и большой нож – потрошить торт. Ели прямо из коробки, руками – чай, не на приёме. Ирка рассказывала про зарплату, про общагу

и танцы, про девок, которые, как оказалось, и не собирались на её вечеринку, и про визит Димки незадолго до полуночи.

– Шеметов идиот, – сообщила Оля, запихивая в рот кусок безе и облизывая пальцы. – Ничему жизнь дебила не учит. Что, говоришь, удивился, что у тебя мужик? Думал, ты по нему, Дмитрию-свет-Ильичу распрекрасному, слёзки до сих пор проливаешь? Гнида поганая, вот он кто. Мне тут про него рассказали, что его Мариша с кем-то другим свалила на праздники в Тай, а он обломился, вот и болтался вчера вечером, как говно в проруби. Хорошо, что твой подобранец его послал. Трёхэтажным, поди? Шеметов же меньшее не разумеет?

– Да просто вышел и сказал – проваливай, мол. А Димка так удивился, что сам не понял, как повернулся и пошёл. У меня ж никогда не бывает дома мужиков. Или бывают, но те, кого он знает, и кто его знает. А тут – незнакомый, вот он и отвалил. И хорошо бы насовсем.

– И хрен с ним. Ты лучше скажи – я правильно понимаю, что завтрашний вечер у тебя свободен?

– Правильно, – кивнула Ирка. – Вечеринка обломилась, а идти туда, не знаю куда, я не хочу. Куда там все мои намылились.

– Вот и славно! Смотри, что у меня есть!

Оля вытащила из сумки и помахала перед Иркиным носом двумя какими-то цветными картонками. Ирка взяла, глянула – это были приглашения на празднование женского

дня в ресторан «Три медведя».

– Что это за тусовка?

– Это меня вчера позвал один клиент, из Заксобрания, я ему ногти полирую. Он мне собирался дать только одно, но я хорошо подумала и сказала – дай два. Он и дал, ему норм. Это, как он сказал, какая-то частная вечеринка, на которой буду разные интересные люди, ну, он счёл меня достаточно интересной.

– Оль, ты чего? Мне и пойти не в чем, и выгляжу я сто-процентно на мой хреновый доход.

– Сёма, забей. Платье у тебя есть, тёмно-красное, ты прошлой осенью покупала, я помню. А красавицу из тебя завтра сделаем. Приедешь с платьем в салон, там и сделаем. Поняла? Не вздумай слиться, не прощу!

А и правда, чего бы не сходить и не развлечься? Весь окружающий мир гуляет, чем она, Ирка Семёркина, хуже?

Восьмое марта у Ирки началось с телефонного звонка мамы в половине десятого – куда она делась-то, чего не поздравляет-то с праздником, скоро же день кончится! Эх, вот что значит – забыть выключить звук на ночь! Ирка еле слышным со сна голосом поздравила маму, выслушала ответное поздравление и напоминалку не забыть позвонить тётке Любе и бабушке. Ну да, ну да, сама-то она безмозглая и не знает, что им тоже надо позвонить, конечно. Тут же, не отходя от кассы, позвонила и тётке – маминой сестре и бабушке – маме их обеих. Получила обычное количество стандартных пожеланий (чётче всего их выразила бабушка – когда ты там уже замуж-то выйдешь), промычала положенное в ответ, и пошла умываться.

По дороге заглянула в большую комнату – там был разгром. Вчера они с Олей не уgomонились, пока не уничтожили весь неожиданный подарок – ну, кроме цветка в горшке, и цветок-то хорошо бы полить, кстати, пока не загнулся. Ладно, кто сказал, что восьмого марта нельзя убираться? Можно, ещё как можно.

Зато голову можно не мыть, Оля сказала – будем красить, красить лучше на грязные волосы. Просто умыться, поубирать лишние волосы, подстричь ногти на ногах, которые уже

почти когти. Остальное потом, в Олином салоне. Ну, пока ещё не Олином, но Ирка не сомневалась – подружка с её деловой хваткой или подгрёбёт тот, в котором работает, или откроет свой, а то и несколько.

Ирка поставила вариться кофе и включила музыку – погромче. Настроение было вполне подходящее для великих свершений, и пока варился кофе, она успела прибраться в туалете и ванной. Кофе выпила, читая ленту в ФБ и ВК, поздравляя коллег и подруг и отвечая на поздравления. Ой, кстати, что это тут? Заявка в друзья. Андрей Пяточкин. Город – СПб. Место работы – какой-то фонд. Окончил что-то там геологическое – ну да он и говорил, что геолог. И, судя по всему, старше её на три года. То есть ему уже тридцать пять. Жён и детей нигде не отмечено. Ирка подумала и нажала кнопку – принять. Это ж вообще ни о чём, сейчас все добавляют всех, с кем хоть раз пересеклись, а он у неё аж целую ночь проспал, и ел, и мылся.

В чём огромный плюс маленькой квартиры – убирать её легко и быстро. К часу дня квартира выглядела намного лучше, чем вечером в пятницу, когда Ирка привела в неё нежданного гостя. И можно было скоренько заскочить под душ, потом достать платье, о котором вчера говорила Оля, к нему – чулки и туфли, и кулон из бордовой яшмы с черными прожилками в филигранной серебряной оправе, и такие же серьги, и браслет. Кольца – ну их, будут цепляться за чулки и за платье тоже, хоть у Ирки они и водились. Тоже – из мест-

ных самоцветов, в политеховском минералогическом музее есть магазинчик, где продают невероятную красоту по очень гуманным ценам, потому что себе или вообще ничего не берут, или минимальный процент, не как в среднем по городу, и уж точно не как в туристических местах. Накрасит Оля, она мастер, она же и ногти сделает. Платье в кофр, остальное в пакет, туда же маленькую сумочку. И ок, можно лететь.

На двери Олиного салона было написано, что восьмого марта – работа до 14-00. Ирка посмотрела на часы – ровно два – и толкнула тяжелую стеклянную дверь.

– Сёма, умочка моя, ты вот прямо точь-в-точь! Или сюда и кидай кости в кресло, начнём с покраски.

Дальше Оля со знанием дела суетилась вокруг Ирки – стригла концы волос, красила, пока Ирка сидела с краской – Оля сделала ей ногти на одной руке, потом мыла-сушила-укладывала волосы, дальше – вторая рука и лицо. Потом прошлась щёткой по своим коротко стриженным блондинистым волосам и погнала Ирку переодеваться, мол, время уже.

Переодетая Ирка взглянула на себя в зеркало.

– Оля, ты волшебница. Ты об этом знаешь? Ну так знай.

– Прикинь, знаю, – усмехнулась Оля. – Так-то мне тётки разные частенько такое говорят. Но слышать такие слова от тебя – особенно приятно, ты ж меня почти что с детсадовского горшка знаешь. Ну и я это, читала и видела поболее, чем среднестатистическая девочка из такого вот салона, мо-

гу представить не ногти отдельно и башку отдельно, и ещё плюс глаза на той башке, а всё в целом, в комплексе, так сказать. Преимущество классического образования, не? – подмигнула она Ирке.

А Ирка смотрелась в зеркало и не хотела никуда идти. Ей уже было хорошо. Она видела себя – как будто она не Ирка-Семёркина-займите-до-зарплаты, а кто-то, нормально зарабатывающий и знающий себе цену.

Её невыразительные волосы тёмно-русой масти Оля в некоторых местах высветлила, а где-то, наоборот, затемнила, и их стало как будто вдвое больше. Они лежали, и блестели, и отливали какими-то невероятными отблесками. Глаза стали вдвое больше, а немного блёсток в тон тушевке привлекали внимание к взгляду, не более. Лицо стало гладким, губы – словно кистью выписанными. Эх, а кто-то каждый день так выглядит, подумала Ирка, ну и ладно. А у них сегодня праздник, вот!

Вишнёвое платье до щиколотки с высоким разрезом сбоку, заготовленные туфли в тон на изящной шпильке – прикинуть, но пока не надевать, прозрачные телесного цвета чулки – наоборот, надеть свои яшмы и добавить немного сладких духов. И вперёд!

Оля тем временем тоже переделалась – в маленькое черное платье. Макияж у неё был обычный экстремальный, но Оля не Ирка, она непременно найдёт себе на тусовке кого-нибудь поразвлечься на вечер. Ирка легко завязывала знакомства,

но очень тяжело переходила из категории «подружка», а то и «свой парень» в категорию «интересная девушка». С ней трепались и обменивались новостями, ей поверяли тайны и рассказывали свои горести и беды. Поэтому она так и не нашла себе никого за те полгода, что от неё ушёл Димка. Ладно, на хрен Димку, там Оля уже маячит, что такси пришло, пора ехать.

Ресторан «Три медведя» находился недалеко от Иркиного дома – немного в гору и в сторону соседнего микрорайона. Ирка знала, что он там есть, но – чисто теоретически. И вот, благодаря Оле, выпал случай познакомиться.

У них на входе проверили приглашения и показали, где гардероб. Там осталась уличная одежда и уличная обувь, и пакеты с обычной одеждой. И можно было идти в зал, осматриваться.

Но сначала увидели их. С воплем «Ирка! Олька!» откуда-то прискакал Славка, Вячеслав Рыльский, однокурсник Ирки и Оли по истфаку. Да-да, тот самый, который про грудь и жопу. Хотя так-то ничего удивительного, он работает в городской администрации, это Оля красоту на людей наводит, а Ирка преподаванием перебивается, а некоторые однокурсники вполне в политике и в большом бизнесе.

– Рыльце, привет! – Оля радостно повисла у Славки на шее.

Когда-то при знакомстве Оля прозвала Славку Рылом, тот скривился – мол, чего сразу Рыло-то, и Оля не потерялась – отлично, будешь Рыльцем, раз тебе Рыло мимо кассы. Но их тёплым отношениям это ни разу не мешало.

– Слав, а Оксанка где? – спросила Ирка после своей пор-

ции объятий со старым другом.

Оксанка была ещё одной их однокурсницей и женой Славки.

– К родителям уехала, вместе с малыши, на все праздники, придет завтра вечером. Вот я и отрываюсь, – подмигнул он. – Пойдёмте, посажу вас за свой столик.

Столик Славки был не на виду – конечно, он типа фигура, мало ли, что ему нужно будет на этой вечеринке. Там уже сидел ещё один мужик, и это оказался тот самый Олин знакомый, которому она ногти полировала. Он представился Пашей, галантно отставил стул для Ирки и спросил, чего налить прекрасным дамам, пока не началось.

Ирка оглядела батарею бутылок и прямо подвисла – шампанское, вино, водка, виски, коньяк. Ну хорошо, пропадать – так с музыкой, решила она. Будем нюхать коньяк. Выпили за дам, тут официантка притащила закуски – мясное ассорти, рыбное ассорти, сырную тарелку, и ещё овощи. А на небольшой подиум вышла изящная блондинка, представилась Мариной, сказала, что она – ведущая сегодняшнего вечера, и предложила всем выпить за сидящих рядом прекрасных дам.

Дальше некоторое время им дали, чтобы поесть, и параллельно приглашали для поздравлений каких-то шишек, один из тостов говорил как раз тот самый Паша, который сидел за их столом. А потом объявили танцевальную паузу, и Оля с радостным воплем потянула Ирку из-за стола.

– Пошли, Сёма, оторвёмся наконец! Это тебе не твои ма-

нерные танцульки, это настоящее!

Ирка со смехом выбралась из-за стола – Паша с улыбочкой придержал её стул – и пошла следом за Олей. Та уже отжигала в центре круга – ну да Оля нигде не пропадёт. Ирка пошла следом и встроилась в круг – танцевать она любила, и могла многое, но обычно на таких тусовках умелых не встречалось. Помнится, она очень удивилась, когда впервые поняла, что ей скучно просто перетаптываться под музыку, подобно всем остальным. Иногда её несло, она вылавливала перспективного кавалера и прямо по ходу показывала какие-нибудь простейшие движения, которые тот или ловил, и это было хорошо, или нет, и тогда прости-прощай. Она и с Димкой Шеметовым познакомилась на какой-то тусовке, куда её затянула Оля, и где он показал, что может не только запомнить простую последовательность из трех шагов и точки, но даже и поимпровизировать на эту тему. Правда, больше он не умел ничего, и учиться не собирался. Ну да дело прошлое.

– Ирка, привет! А где твой вчерашний хахаль? Бросил что ли? Так я за него! Потанцуем?

Тьфу, блин. Вспомнишь про говно – и выплывет оно. Ну да, Димка журналист, и может без мыла в любую дырочку пролезть, не то, что на тусовку, где вход по приглашениям.

– Нет, – замотала головой Ирка, ища кого-нибудь – Славку или хотя бы Пашу.

Просто чтобы пустить Димке пыль в глаза – она не одна,

точка. Но как назло, никто не показывался. Паша отжигал с Олей в центре, Славка куда-то делся.

– Ир, ты охрентительно выглядишь. И эти твои духи – м-м-м, мои любимые, я всегда любил на тебе этот запах, – он прямо мурлыкал, как кот, и вился вокруг неё.

Сам он тоже был не чета себе-вчерашнему – прилично одет, и даже какой-то зажим на галстук, и волосы уложены, и про парфюм не забыл, и даже выпил ещё не очень много – стоит уверенно, не шатается, пока только болтлив. Сверх меры болтлив, как по ней.

– Дима, иди лесом, – отвернулась она.

– Ну Ир, ну почему, – тянул он своё.

– По кочану, – невежливо ответила она.

– О, Шеметов, а ты здесь откуда? – спасение пришло в лице Оли, и ещё за её спиной маячил Паша.

– Если даже ты сюда попала, то что обо мне говорить, – скривился тот.

Димка не любил Олю, считал хамлом, халдой и выскочкой, в упор не верил, что она окончила универ разом с Ирккой, и вообще пытался всячески мешать их дружбе. Не преуспел.

– Что я, меня вот Паша пригласил, а ты у нас, ясное дело, во всякой бочке затычка, – скривилась Оля. – Идёмте, пожрём, что ли, а потом ещё потанцуем. Пошли, Сёма, там салатик подогнали, попробуем! – Оля схватила Ирку за руку и потащила к столу.

О да, салатики, потом ещё немного танцев, и в этот раз Ирку предметно танцевал Паша – ну, как умел, а потом ведущая объявила конкурс.

Она выбрала пятерых мужчин, в их число попали и Паша, и гад Димка. Точнее, Пашу выбрали, а Димка сам вылез. И сначала они все там сами что-то выделявали то под бодрый ритм без осмысленного музыкального сопровождения, то под какой-то фолк, то ещё под какую ерунду. Потом голосовали, и ни Димка, ни Паша приза зрительских симпатий не получили. Тогда ведущая взяла за руку мужика в сером костюме, который как раз получил тот приз, глянула на него и говорит – вы, судя по всему, умеете танцевать, так удивите нас. Пригласите любую даму, какая вам глянется, и удивите.

Он что-то ей тихо сказал, никто не расслышал. Она нахмурилась, потом обернулась к зрителям.

– Так, дамы. Вот у меня тут победитель конкурса, который говорит, что готов удивлять, но ему нужна партнёрша, которая умеет танцевать вальс. Есть у нас такая?

Ох ты, подумала Ирка. А что, вальсом сейчас можно кого-то удивить, неужели? Но неугомонная Оля уже орала своим громким голосом – да, есть такая, вот она стоит, смотрите, и для верности схватила Ирку за руку и подняла ту руку вверх.

– Баба-дура, ты что творишь? – зашипела на неё Ирка.

– Так как ещё тебя в люди-то выпнуть, и чтобы не с ушлёп-

ком Шеметовым, – усмехнулась Оля. – Сюда, сюда, вот она!

Мужик с ведущей подошли мимо расступившегося народа...

– Ира? – вдруг спросил мужик и уставился на неё.

Ирка подняла голову... вашу ж мать, это же подобранец!

А как одет, а как смотрит, а как движется! Костюм в мельчайшую клетку, с первого взгляда и не разглядишь, да по фигуре, а не по вешалке, как почти у всех остальных здесь, да ещё с жилеткой, и в галстук не зажим даже, а сверкающая булавка, и запонки, мамочки мои, он знает, для чего нужны запонки!

Ирка проморгалась и выдохнула.

– Андрей, – пробормотала она.

– Ира, ты танцуешь вальс? – улыбнулся он.

Улыбнулся очень красиво и по-доброму.

– Да, – кивнула она, и он подал ей руку.

Вывел в центр, попросил освободить место.

– Погоди немного, – сказал ей тихо, почти что прошептал, – я пойду, договорюсь про музыку.

И пошёл, и о чем-то вправду договорился со звуком, и вернулся к ней.

Первые звуки – тьфу ты, ласковый и нежный зверь. Он хочет сказать, что справится с темпом? Успеет в быстрый, и не залагает всё к хренам на медленном? И ещё смотрит на неё так хитро, с улыбочкой. Мол – неужели правда сможешь? Это был вот прямо вызов!

Поклон, встали в пару, и он её повёл. Он. Её. Повел. Вот прямо взял и повёл. Точно в такт, не выбиваясь из медленного, до фигищца медленного темпа. Раскрыл пару, повел только за кончики пальцев, провернул под рукой... и точно вошёл в быструю часть. Ну, тут только успевать летать! Ах ты чёрт, он умеет ещё и влево! И умеет менять направление вращения, не теряя скорости! А-а-а-а!

Второй медленный отрывок – снова раскрыл пару, смотрит на неё, улыбается. И она в ответ – тоже, ну как не улыбаться, если тебя – вот так – ведут в вальсе?

Ирка уже позабыла, каково это – когда ты не преподаватель, а партнёрша. Когда на тебя смотрят, когда от тебя ждут ответной улыбки, а не указаний на недочёты, и не подсказки – какая фигура следующая. Когда тебя ведут, а не ты ведёшь. Ну как тут не улыбаться?

Во вторую быструю часть они вписались с той же ювелирной точностью, что и в первую. Он вел её то вправо, то влево, то проворачивал под рукой, то снова ловил и закрывал пару. А на последнем аккорде провернул – волосы взлетели – и изящно наклонил голову. Ирка рефлекторно сделала реверанс – ну, насколько позволяли высокие каблуки.

– А ты очень круто умеешь, – подмигнул он ей.

Наклонился и поцеловал. Вот прямо поцеловал – как в любовном романе, как в кино, как Ирка не знала даже где. То самое – обжег поцелуем. Она совсем не ожидала, да и вообще подзабыла уже, как это, когда люди целуются. Не дежур-

ным образом, а вот так, чтобы пробрало и лишило последних оставшихся после вальса ошметьев разума. Она вцепилась в его плечи и не отпускала, пока не перестала кружиться голова.

У неё? От вальса? Закружилась голова? Ой, не смешите, да никогда такого не было!

А вокруг орали и свистели, и выражали свой восторг прочими доступными средствами.

– Я же говорила, я говорила! – вопила Оля.

– Ирка, ну ты и монстр, – восхищался Славка, и Паша тоже что-то ему вторил.

К Андрею подошли какие-то знакомые, и очень хвалили, а он объяснял – вся юность в танцах, ещё помню что-то, выходит. Да вы же виделись, это же Ира, та самая, ну, которая меня спасла позавчера – и разворачивал её к мужикам, и знакомил, и кого-то там как-то звали – да-да, те мужики, которые за ним приезжали к ней домой.

Ирка усмехнулась про себя – ага, так и поверят, что та самая. Та самая была бледная моль с хвостиком, а эта – красотка.

А ведущая уже спешила к ним с бутылкой какого-то алкоголя, которую и вручила в качестве приза – и выпить, мол, вместе.

– Ира, ты здесь с кем? – спросил он.

– С подругой. Это она меня подставила, – рассмеялась, нашла Олю глазами, та показала ей большой палец.

– Правильно сделала. Она же не обидится, если я позову тебя за наш стол?

– Думаю, нет, – решительно ответила Ира.

Один раз живём, в конце-то концов.

За его столом сидели те самые два мужика, звали их Стас и Денис. Тут же моргнули официантке, и перед Ирккой появились приборы, и бокал, и стакан для воды.

Когда же Ирка спросила, как их занесло на эту вечеринку, Стас – судя по виду, старший из них – пожал плечами, мол – делаем заказ для правительства области, вот и пригласили.

Денис рассказал, что они все трое вообще из Питера, но последние несколько лет работали в сфере добычи якутских алмазов. А здесь – да, заказ, а ещё до кучи попросили вот его – кивнул на Андрея – лекции в вашем политехе почитать, и их троих – выступить на конференции в здешнем геологическом институте. Уместить бы всё в оставшуюся неделю.

– А когда лекции? – спросила Ирка. – Я бы пришла, любопытно же.

– Так для политеховских же, – Андрей удивился.

– А я в политехе работаю. Правда, на гуманитарной кафедре.

– Иностранный язык, что ли? – улыбнулся Стас.

– Нет, философия, – и добавила: – Неужели не похожа?

– Девушка, которая преподаёт философию, должна выглядеть как-то по-другому, – рассмеялся Денис.

– Ну извини, как есть, – пожала плечами Ирка.

Дальше её спрашивали, что она пьёт, она просила коньяк – капельку, и снова больше нюхала, чем пила. Потом был медленный танец, и они с Андреем танцевали, и он всячески показывал, что и в это умеет тоже – стоило ему обнять и так трепещущую Ирку, как для неё остались только он и музыка.

– Ира, ты невероятно красива, – говорил он.

А она только улыбалась – ну да, красивая, Оля сделала. А вообще я такая, как в пятницу была, а не как сегодня. А ты, залётный мой, улетишь, и не вспомнишь даже, что была такая.

Впрочем, он не только говорил, он ведь ещё и смотрел, и легонько поглаживал спину. А потом взял её правую ладонь в свою левую, и перебирал пальцы, и гладил ладонь, и дыхание его было где-то над её ухом, и сердце билось – Ирка прижалась к нему и ощущала глухой размеренный стук.

Целоваться они начали – ещё танец не кончился. А целовался он, как бог, или это Ирка просто была голодная до ласки. Сначала она даже немного стеснялась – про танцы-то она, правду сказать, знала больше, танцы были разные, а поцелуи

какие-то одинаковые, но те, что выпали ей сейчас, оказались ни на что не похожими. И если сначала ей ещё заглядывала в голову мысль вроде – мы второй раз в жизни видимся, он уедет через неделю, какого хрена, Ира? – то потом она быстро куда-то делась. И вообще все мысли куда-то делись, потому что он обращался с ней очень уверенно, и вместе с тем – нежно, он и вёл, и поддерживал, и направлял, и помогал, когда у неё совсем задрожали колени, и она ухватилась за его плечи посильнее. Спасибо тебе, дорогое Мироздание, за такой невероятный подарочек к восьмому марта! Называется – почувствуй себя женщиной, ага.

Трек закончился, и люди потянулись за столики. Ирка улыбнулась Андрею и прошептала:

– Спасибо. Чудесный вышел танец.

– И тебе, – улыбался он. – Ты в танце просто восхитительна. Ты невероятно чувствуешь партнёра, ты подхватываешь с полуслова и полудвижения. Я знаю, о чём говорю – я сто лет танцевал разное, и в соревнованиях участвовал, и просто так. Правда, давно это было. А ты что танцуешь?

– Да я так, всего понемногу. В школе ещё был кружок, а сейчас я хореограф-самоучка.

– Постой, ты же что-то говорила про кафедру философии?

– А носки трусов не заменяют, – пожала плечами Ирка. – Я окончила истфак, а танцы – просто для души и для тела. Ну и я слышу музыку, могу её просчитать и умею объяснить

то, что могу сделать сама. И больше десяти лет преподаю – не танцы, конечно, но чего только не было. После истории с философией такая вот прикладная дисциплина – легче лёгкого. Объяснить людям несложный фигурный вальс куда проще, чем основные положения немецкой классической философии. Да ещё на группу в пятнадцать взрослых людей, которые сами этого хотят. А ты правда добываешь алмазы?

– Я знаю, как это следует делать. Строю разные теории на этот счёт и езжу проверять их на практике.

– То есть, наукой занимаешься?

– Типа да, хоть и не только ей. Ты же, наверное, тоже кандидат?

– Неа, – покачала головой Ирка. – Не срослось. Надо заниматься только диссертацией, а не работами вперемешку с подработками, а у меня не выходит. Может, в старости, – усмехнулась она.

– Да почему в старости-то, – не понял он.

– Там будет какая-никакая пенсия. Скорее никакая, но всё же. Жить на минимум я умею, даже если надо снимать квартиру. А в старости вернусь в родной город, заселюсь к племянникам и буду себе книжки умные читать и статьи писать, – рассмеялась она.

– Так ты не замужем?

– Нет. Мне когда мужа искать, с моими-то работами? А у тебя дома семеро по лавкам? Жена и дети?

– Пока ещё ни одна женщина не согласилась мириться с

моим рабочим графиком, – пожал он плечами. – Я же вот как сюда к вам, ещё много куда приезжаю по самым разным надобностям. А чтобы ездить, надо искать финансирование. У меня, конечно, есть фонд, который обеспечивает некоторое количество исследований, то есть не вполне у меня, но есть, но это тоже непросто. В общем, мне пока не до того. А когда-нибудь потом посмотрим.

Оказывается, они уже некоторое время стояли в фойе за шторой, Ирка даже не поняла, как они туда попали. В зале вновь шумело, вопило и ухало, и возвращаться туда не хотелось совершенно. Здесь было так хорошо...

Ирка потянулась и сама поцеловала его – не слишком ловко, наверное, зато от души.

– Поедем ко мне? – он смотрел с восхищением, Ирка просто плавилась от этого взгляда.

– Лучше ко мне, это ближе. Спуститься с горки – и всё.

– То-то мне показалось, что я уже был в этих местах, – усмехнулся он. – А и в самом деле – был.

– Не пугайся, у меня сегодня чисто.

– Знаешь, я не очень-то помню, как там было, у тебя. Тебя – помню, чай твой помню с травками какими-то, вкусный, а вот что там ещё у тебя было – как отрезало. Всё же не каждый день доводится попадать в такие истории, поверь.

– А по твоему виду ничего такого заметно не было – ну, может чуточку тормозной, ну да человек, который сидел в сугробе без куртки, будет тормозной, – засмеялась Ирка.

– И благодаря тебе мы можем сегодня просто посмеяться над моей дурацостью, – улыбнулся он.

Вот умеет же человек улыбаться! У Димки улыбка выглядела или вымученной, или каким-то жутким оскалом, когда вправду смеялся. А Андрей – как лампочка. Или обогреватель. Или луна ночью в окно, ага, вспомни, Ира, что ты так-то гуманный и препод, и придумай парочку нормальных сравнений!

– Так мы идём? – спросила она.

– Да, – кивнул он ей, и вновь с улыбкой.

Ирка написала Оле сообщение – мол, я пошла домой, не одна, не теряй, связь завтра. И пошла одеваться.

Ботинки она зашнуровала сама, а вот пуховик он ей подал. Подержал, пока она просунула руки в рукава, что-то поправил сзади – легко коснулся шеи. А потом ещё раз коснулся – очевидно, просто так. Ирка хихикнула. Андрей тоже рассмеялся.

Так они и смеялись не пойми над чем всю дорогу до Иркиного дома – а идти и вправду было недалеко. То он что-то рассказывал, то она, в какой-то момент даже на звёзды посмотрели, обнявшись – небо-то ясное, холодное.

На пятый этаж по подъезду всё равно что взлетели, Ирка не помнила, как открыла все замки, и как потом их закрыла – тоже. Целоваться начали ещё в крошечной прихожей, снимали друг с друга одежду – сначала верхнюю, а потом и прочую нарядную. А потом Ирка открыла дверь своей спаль-

ни, в которую никого и никогда не пускала, потому что для гостей – диван в большой комнате. Они переместились туда... Да так там и остались.

12

Будильник завопил в семь тридцать – так-то понедельник, а что он выходной и надо бы будильник-то выключить – это ж догадаться надо было. А мозги-то вчера Ирке вырубилло начисто, что осталось – она сама не поняла.

Выключила звук на ощупь, потом открыла глаза.

– Привет, – Андрей дотянулся и поцеловал её. – Тебе нужно на работу? Или куда-то ещё?

– Никуда, – замотала она головой. – Я вчера как меня зовут, забыла, не то, что будильник выключить.

– Мне радоваться этому факту или наоборот? – усмехнулся он.

– Да как хочешь. А я хочу ещё доспать часа два.

– Согласен, – просунул руку ей под шею и притянул к себе.

Дубль-два наступил ближе к полудню, потому что больше никакие звуки их не беспокоили. И то выбрались из постели сильно не сразу – вчера всем так всё хорошо зашло, что нужно было повторить. И только потом уже – душ, умыться и всё такое.

Ирка внимательно изучила содержимое холодильника и озвучила неутешительный результат:

– Еды нет. Даже молока для кофе нет. Населен роботами. Вчера я убиралась и приводила себя в торжественный вид, а

позавчера – переживала наше с тобой пятничное приключение. Поэтому сделать закупки не удалось.

– Где тут ближайший магазин? – он вышел в прихожую и достал из обувной полки ботинки.

– Ты хочешь купить еды? – удивилась Ирка.

– Ну да, а что в этом удивительного?

– Вроде я хозяйка и должна тебя кормить, – пожалала она плечами.

– Откуда ж я знаю, вдруг ты сама по себе питаешься чистым воздухом и солнечным светом? А тут я нарисовался, не сотрёшь. Предпочтения есть? Что ты любишь есть на завтрак в выходной?

Ирка подвисла. Её сто лет никто не спрашивал – что она любит есть на завтрак. Разве что мама в детстве, пока не родила младших, и с деньгами и прочим не стало совсем плохо.

– Не знаю, что тебе глянется. Я думаю, в ближнем магазине не такой уж и большой выбор, в последний-то день праздников.

– И ладно, – подмигнул он. – Так куда идти?

Ирка объяснила, куда идти, закрыла за ним дверь. Вот же блин, первый раз с ней такое. Чтобы даже с завтраком.

Она взяла телефон, написала ещё не выходявшей в сеть Оле, что у неё всё супер, и вчера, и сегодня – тоже, и пошла варить кофе. Остальные люди её сейчас вот никак не интересовали, потом узнает, что там у кого и какие новости. Запасы кофе и чая были, Ирка закупалась в большом сетевом мага-

зине ещё с прошлой зарплаты. Ревизия показала, что также есть дрожжи, мука и сахар, и можно было изобразить из этого простейшие оладьи. Ирка поставила дрожжи расходиться, быстро-быстро помыла голову, добавила муки и растительного масла, и ещё успела немного подкраситься.

Андрей притащил яиц, молока, свежего хлеба, сыра, бу- женины, пару плиток шоколада, маленький тортик и яблоч- ного сока.

– Да ты просто гений, угадал всё, что я люблю, даже яб- лочный сок! – восхитилась Ирка.

– Представляешь, я тоже люблю яблочный сок, – сообщил он.

Начали с кофе и тортика.

– Ты всегда вместо завтрака ешь сладости? – подмигнул он.

– Нет, только в выходные. В рабочие дни нужно быстро запихнуть в себя какой-нибудь бутерброд и бежать, а если как сегодня – то можно не торопиться.

Дальше под рассказы о танцевальном прошлом и настоя- щем был приготовлен омлет, и нажарена горка оладий, и с новой порцией кофе всё это было съедено. А когда руки в очередной раз как бы случайно встретились над столом, оба рассмеялись, бросили посуду в кухне и вернулись в Иркину спальню.

В конце-то концов, выходной сегодня, или как? Надо успевать, пока никакая работа в спину не дышит!

Во вторник будильник зазвонил в свои законные семь тридцать, и уже никто не возражал. Ирке нужно было быть на работе не позже, чем в половине десятого, а у Андрея в десять была назначена та самая лекция для студентов-геологов и преподавателей соответствующих кафедр. Они поцеловались на прощание, и он обещал скинуть номер аудитории, в которой будет лекция, на том и расстались. И отбыл на такси – для скорости, надо ж наконец-то привести себя в порядок после двух дней в гостях. Она занялась тем же самым. И ещё кофе, и накраситься, обед – хрен с ним, что-нибудь купит в ближнем буфете, пирожок какой-нибудь или пироженку.

При дневном свете Ирка уже и не поняла, где был тот знаменательный сугроб. Сейчас, белым днём, все они были похожи один на другой. Или... вот тут? Ага, похоже. Она хихикнула и побежала дальше.

На кафедре уже подсобрался народ – основная часть пар была как раз в десять и потом, в одиннадцать сорок пять. Ирку, то есть в данном случае Ирину Васильевну – радостно приветствовали, обычно её были рады видеть, впрочем, как и она была рада видеть население кафедры. Народ на кафедре был воспитанный и дружелюбный, даже если кто и держал камень за пазухой, то не на неё. Она же решала насущные

вопросы.

Почему-то только ей удавалось договориться со службой расписания о том, чтобы поставить лекцию в нужную аудиторию, на семинар расставить группы как надо, а не абы как, и убраться с субботы, или же наоборот – на субботу поставить. Ей удавалось уболтать учебную часть разрешить изменение нагрузки в течение семестра или пропихнуть через ту же учебную часть почасовку. Она же виртуозно делила общую нагрузку кафедры, чтобы и овцы были сыты, и волки целы – то есть, чтобы все получили свои любимые группы, и ничего лишнего. Она же безропотно подхватывала любые занятия и даже экзамены, если у кого-то из преподавателей случались болезнь, потоп, запой или ещё какая неприятность.

Кто-то пил кофе, кто-то что-то листал за своим столом, кто-то беседовал со студентами. В чайном закутке, где стоял стол, шкаф с посудой, холодильник, микроволновка, шкаф для верхней одежды преподавателей и сейф для всякой важной всячины, было пусто, а на столе стояла кучкой помытая посуда – после гулянки в пятницу. Молодцы, всё убрали и помыли, а то Ирка убежала на танцевальное занятие и не могла проконтролировать процесс лично. Правда, ей тут же со смехом рассказали про Василия Петровича, почтенного джентльмена в возрасте слегка за семьдесят, который в пятницу выпил столько, что остался ночевать в кабинете заведующего кафедрой. Ирка даже заглянула в кабинет – о да,

тут необходимо проветрить, пока не зашёл случайно кто-нибудь посторонний. У шефа в сейфе неплохая коллекция подаренного алкоголя, и что-то оттуда определённо пошло в ход, хи-хи.

Она хотела убедиться, что всё в порядке, и лично ей вот прямо сейчас ничего делать не нужно – и убежать на лекцию. Тем более что ей пришло сообщение с номером аудитории – Ж-амфитеатр, большая лекционная аудитория в корпусе «Ж». И она уже почти что туда отправилась, когда затрезвонил телефон. И написано было «Вика».

Вообще Ирка старалась на кафедре не материться. Ну не принято было, в отличие от некоторых других. Кафедр. Но тут не сдержалась, хорошо хоть – тихо. Потому что Вика, то есть Виктория Александровна Сорокина, кандидат исторических наук, доцент кафедры и прочая, представляла собой ходячий вселенский капец. С ней всегда что-то случалось. У неё терялись ключи, заедали замки в дверях, её топили соседи, её собака всегда принималась рожать в самый неподходящий момент, её автобусы и маршрутки всегда ломались по дороге на работу, у неё постоянно пропадали тетради, ручки, книжки и как бы не мозги – так потихоньку говорили добрые коллеги. Она регулярно теряла телефон со всеми контактами, и почему же она не потеряла его сегодня, думала Ирка, отвечая на вызов.

Конечно, в том вызове не было ничего хорошего. Потому что утром Вика бежала за маршруткой, поскользнулась на

мартовском ледке, упала, что-то себе ушибла и что-то порвала, возвращалась домой переодеваться и сейчас ещё только ехала по центру города, а пара у неё начиналась через пять минут в аудитории Ж-06. И соответственно, Ирке нужно было пойти, взять ключи на вахте, запустить студентов и начать с ними практическое занятие по теме «Философия человека». А там Вика подойдёт и продолжит сама.

Ирка выдохнула в телефон «Вика, не придёшь на пару – прокляну», и поплелась в фойе первого этажа, брать на вахте ключи от Ж-06.

Здание политеха напоминало по форме огромного жука с шестью лапами. И если кафедра философии находилась в правом боку того жука, то корпус Ж представлял собой левую заднюю лапу. Чтобы попасть в Ж-06, нужно было пройти по тушке через бошку – корпус А – уйти в левый бок – корпус И – пойти до самого конца, потом по той задней лапе – тоже до самого конца, там спуститься в подвал, потому что «ноль-шесть», и увидеть десяток студентов, ожидающих Вику. Ирке уже случалось замешать Вику в этой группе, её узнали и ей обрадовались.

Вообще если Вика поторопится, то у Ирки даже был шанс успеть на ту лекцию – очень уж хотелось послушать, как Андрей рассказывает о том, чем он занимается. Это же как – расскажи мне о своей работе, и я скажу, кто ты.

Ирке это всегда было интересно – чем человек занимается, что он такое есть и с чем его, соответственно, есть. А

вчера им было как-то очень не до жизненных историй и рассказов о работах. Но пока – студенты и проблема человека в философии.

Ирка запасла карточки с отрывками из великих книг на тему, и они занялись чтением и комментированием. На кафедре её ценили в том числе и за то, что она могла практически по любой теме устроить вот такое чтение источников, и в итоге студенты добирались до экзаменов не только с формулировками из учебника в голове, но ещё и с некоторыми воспоминаниями о весёлых занятиях с молодой преподавательницей и о том, что книги по философии, оказывается, писали не дураки. И что многие вопросы оттого и вечные, что они были всегда, только вот отвечали на них в разное время по-разному.

Вика явилась за пятнадцать минут до конца пары. Мило улыбнулась и Ирке, и студентам, что-то зашебетала на тему, как хорошо сегодня Ирка выглядит и как она, Вика, ей благодарна. Ирка собрала свои бумажки и откланялась.

В принципе, можно было попробовать подняться наверх, пройти через весь первый этаж корпуса Ж, потом через весь второй к амфитеатру, и поймать Андрея на выходе.

Ирка так и сделала, и успела просочиться в амфитеатр буквально за пару минут до того, как стоявший за кафедрой Андрей сообщил о завершении лекции и поблагодарил всех присутствующих.

Студенты ломанулись наружу – кроме некоторых, очевидно, самых продвинутых, желающих побеседовать с заезжей знаменитостью. Кроме того, подходили преподаватели, некоторых из них Ирка знала, но не всех – всё же, на разных факультетах работали. Задавали вопросы, что-то хотели – нормальная ситуация.

Андрей что-то им всем отвечал и о чём-то договаривался. А потом осмотрел пустой амфитеатр, оглянулся на дверь – и заметил Ирку. Кивнул ей. И подошёл минут через пять – когда ответил всем на все вопросы.

– Привет, а ты когда успела появиться? На лекции я тебя не заметил.

– Ох, привет. Я пришла под самый занавес, на меня скинули группу студентов по форсмажору, пришлось подхватить. Что у тебя дальше?

Он усмехнулся.

– А дальше очень насыщенный день. Сейчас ещё одна встреча, уже непосредственно с местными студентами-гео-

логами, а потом – с преподавателями, и вот это последнее переходит в фуршет на кафедре, который начнётся в пять. Хочешь со мной?

Ирка хотела. К этому времени она как раз разберётся с текучкой на своей кафедре, правда, не успеет сгонять домой, переодеться. Но она сегодня в условно-приличном виде, не в джинсах, ей утром кто как нашептал надеть серый костюм с белой водолазкой и гарнитур из моховых агатов – серьги, крупный кулон в строгой оправе и кольцо. Можно и на фуршет.

– Да. Держи в курсе, где и как, хорошо?

– Супер, – улыбнулся он. – Спишемся.

Андрей вернулся к ожидающим его людям, а Ирка побегала на кафедру. Если не случится никакого нового форсмажора, она сейчас отправит всех по парам и может быть, даже что-нибудь съест.

В помещении кафедры было традиционно людно – самое время для всех. Другое дело, что Ирка нормально относилась и к этим людям, и к этому уровню шума, то есть – всё ок.

Уже успевшая прискакать из Ж-06 Вика многословно рассказывала, как она утром встряла и какая Ирка молодец, что подхватила студентов. И как хорошо о ней студенты отзывались. Ну да, Ирка знала, что она неплохой препод, но без степени нормальной преподской ставки не получить, поэтому – как есть. Будем довольствоваться крохами с чужих столов. И даже не вполне с чужих – так-то это и её кафедра. А защи-

титься сейчас не выйдет, главным образом потому, что для этого нужно что-то написать. А у неё... в общем, пока увы.

Преподаватели постепенно расходились по аудиториям, некоторые оставляли поручения для Ирки и её фактического заместителя Софьи Абрамовны – дамы в возрасте Иркиной мамы, воспитанной, доброжелательной и невероятно элегантной. Ну там – отдать, передать, направить студентов в аудиторию и прочее.

Софья Абрамовна ставила чайник, доставала бутерброды и что-то сладкое, и звала Ирку обедать. Обедать – неплохо, только надо добежать до буфета в корпусе В и что-нибудь там добыть.

В буфете удалось добыть пару железных пирожных и кусок пирога с рыбой, нормально. А к обеду тем временем присоединилась Татьяна Борисовна, почтенная дама семидесяти пяти лет, прекрасный преподаватель и великолепный собеседник. Она могла с одинаковым успехом рассказывать и о славных делах давно минувших дней на кафедре, и о текущих новостях – как мировых, так и политеховских. Она читала огромное количество всего – и современную философию, и новости в сети, и художественную литературу – надо же, мол, знать, за что сейчас литературные премии дают. А потом просвещала коллег и студентов. Ирка всегда разговаривала с Татьяной Борисовной с огромным удовольствием и тихо мечтала дожить до такого же возраста в таком же здравом уме и трезвой памяти, и с таким же здравым отношени-

ем к жизни.

Татьяна Борисовна рассказывала за обедом о разнообразных подводных течениях, которые не дают легко и быстро добиться присвоения заведующему кафедрой Евгению Валериановичу звания заслуженного профессора университета.

По мнению Ирки, да и обеих её собеседниц, уж если не ему – то кому. Потому что Евгений Валерианович был знающим и харизматичным преподавателем и хорошим руководителем для кафедры. Другое дело, что возглавлял кафедру он уже почти тридцать лет, многие вещи просто шли по накатанной – делаются, и хорошо, а в последние годы ещё и здоровье начало подводить. И чтобы выжить, нужно было держать нос по ветру, ориентироваться во всех политеховских подводных течениях и иметь знакомства в верхах. Из этого всего Евгений Валерианович имел главным образом третье, за него был и ректор, и кое-кто из заместителей. Надо было собрать энное количество бумаг и прийти на энное количество заседаний учёного совета.

Ему самому это звание выразилось бы, кроме почёта и уважения, в прибавке к зарплате, а кафедре – в высвобождении некоторого количества нагрузки, потому что заслуженный профессор имел право на уменьшенное против обычного преподавателя годовое количество часов. Ирка уже представляла, какие именно часы они высвободят, и куда именно их пристроят.

Но за это предстояло побороться.

Дамы обсудили вопрос со всех возможных сторон, и собрались уже было сходить помыть посуду и отправиться кто куда, когда в кабинет явилась Марья Ивановна – дама пенсионного возраста, работающая в такой же должности, как Ирка, только на соседней кафедре – через дорогу, что называется, по другой стороне того же коридора.

– Ира, здравствуй, а где это ты сегодня была? – поинтересовалась она.

– Здравствуйте, Марья Ивановна, – кивнула Ирка. – Со студентами, на занятии. Меня кто-то искал?

– Да, искали, из кадров и из учебного отдела, – сообщила Марья Ивановна.

– А почему Софье Абрамовне не сказали?

– Так не её же искали!

– Спасибо, я сейчас к ним схожу. Как раз обед закончился, – кивнула Ирка.

Марья Ивановна была тёткой вредной, и в отличие от философов, у неё на кафедре пышным цветом цвели сплетни и наушничество – во многом благодаря ей. Там тоже преподавателей было больше, чем нагрузки, но за каждую группу грызлись только в путь.

Ирка убрала посуду в шкаф – потом помоем – и отправилась в учебный отдел.

В учебном отделе делами кафедры философии, как и всех прочих гуманитариев, занималась милейшая женщина Ольга Юрьевна. Она обладала ангельским характером и безграничными запасами терпения – и в итоге с ней тоже хотелось всегда работать предельно аккуратно и точно, не психовать и не косячить.

Оказалось, что у кого-то там сверху возникли вопросы к их кафедре по почасовке с прошлого месяца – а что это так много. Почасовка – это оплата сверх согласованной в начале семестра нагрузки, поэтому с ней всегда непросто. Её разрешают только в том случае, когда лишних часов немного или когда образуется форс-мажор, как, например, в прошлом месяце – больничный у Виталия Юрьевича, или накануне Нового года и в январе, когда Сергею Андреевичу делали операцию, и пришлось подбирать не только его занятия, но и экзамены. Часть досталась Ирке, и это были сплошь иностранцы – монголы, вьетнамцы, китайцы. Специфическое развлечение – беседовать о том, что такое философия, с людьми, не вполне владеющими всеми тонкостями языка! На их фоне наши русскоязычные балбесы, которым просто лень книжку почитать, смотрелись особенно феерично.

Итак, почасовка, учебный отдел, Ольга Юрьевна. Возвраща-

щаемся из страны воспоминаний. Ирка напомнила про больничные и прочие форс-мажоры, и о том, что всё это зафиксировано в кадрах, и выразила готовность написать про это какую-нибудь отдельную бумагу – если потребуется.

Далее нужно было идти в корпус И, в кадры. Несколько тысяч обитателей политеха были учтены со всех сторон. Для удобства существовал отдел кадров для преподавателей, отдел кадров для учебно-вспомогательного персонала, то есть для таких, как Ирка, ещё отдельно учитывали студентов и отдельно – администрацию, бухгалтерию и прочие организационные структуры. В своё время, три года назад, когда только устроилась на работу, Ирка довольно долго разбиралась со всей этой системой – что, куда, по какому вопросу и каким образом. Ничего, разобралась. Признакомилась с нужными людьми, и стало просто – потому что в политехе всё делается через знакомых людей. Ну или просто через взаимно друг другу приятных сотрудников соответствующих служб. У Ирки в кафедральных документах был порядок, поэтому её общение с кадрами и прочим обычно было приятным.

Оказалось, что её искали и как лицо кафедры, и как сотрудника – тоже. В кадрах для преподавателей ей отдали список преподавателей, которых нужно было туда направить – чтобы расписались в разнообразных приказах про себя. Ирка предложила взять бумаги и лично изловить всех, кто был нужен, но номер не прошёл, значит, ей надо тем, кто есть сейчас, сказать после пары, а остальных обзвонить, что-

бы завтра явились и не забыли дойти до корпуса И.

В кадрах учебно-вспомогательного персонала ей самой сказали расписаться за то, что два месяца по приказу подрабатывала ещё на одной соседней кафедре – тоже работала с документацией, а теперь оттуда увольнялась. Ну ок, хорошо, что повезло подработать, глядишь, вдруг ещё что-нибудь подвернётся. Например, снова покормить семинар, который проводит время от времени муж Софьи Абрамовны, то есть – его участников, там зарплатка выдается в конверте, но хуже она от того не становится.

Когда Ирка после странствий по огромному зданию вернулась к себе в своей корпус К, там как раз завершалась первая пара второй смены. Трех преподавателей из списка удалось поймать вот прямо на пороге – пока не ушли ни на следующие пары, ни домой, и направить их в кадры. А ещё трое, у кого сегодня занятий нет, она позвонила – чтоб завтра начинали свой рабочий день с визита в корпус И.

Глядишь – и перемена закончилась. Ещё одна пара – и пять часов. Ирка сообразила, что с утра ещё не заглядывала в официальную кафедральную почту – вдруг там что.

О да, там кое-что. Информация от их гуманитарного декана о необходимости срочной корректировки учебного плана для двух специальностей, которые открываются в следующем учебном году. По идее, это надо уточнять с заведующим. То есть, Ирка и сама знает, что там и как, но субординация и вот это всё.

Евгений Валерианович был очень рад её слышать, ещё сильнее рад, что она сама всё знает, велел отзвониться в деканат и сказать им что и как, а он будет завтра и что надо, подпишет. Завтра ведь у него аспиранты, да, лекция же?

Да, аспиранты, да, лекция. И студенты, тоже лекция. И ещё Ирка не устояла и пожаловалась начальству на Вику – что снова явилась под конец пары, и как всегда – у неё сложились обстоятельства неодолимой силы. Тот только вздохнул – Вику было очень трудно припереть к стене и наказать, она вертелась, как уж на сковородке, и обычно как-то выкручивалась. Ну да ладно, это пусть шеф сам разбирается.

В такие моменты Ирка всегда радовалась, что у них не выпускающая кафедра, то есть – к ним не поступают учиться студенты. Это, конечно, плюс работа, но это и плюс проблемы, а тут с тем, что есть, выкрутить бы нормально. Зато философию сдают при поступлении в аспирантуру, и потом ещё её изучают тоже – в виде философии науки, и сдают кандидатские экзамены. Этим-то как раз и занимается заведующий, и ещё несколько специально обученных преподавателей, их немного. Но кандидатские экзамены будут позже, весной. Там о них и подумаем. Сейчас же надо отзвониться в деканат по тому учебному плану.

А потом у Ирки ещё оставалось минут двадцать, и она вылезла в сеть. Первым делом отписалась Оле – жива-здорова, вечером опять ожидаются приключения, о деталях сообщит позже. А потом взялась отвечать на кучу сообщений – так-

то она пропала с радаров позавчера, восьмого числа, и всё это время ей было не до интернета. Ей же писали и по поводу танцев – когда продолжатся занятия, и про тот бал, на который ускакали в воскресенье её прекрасные танцоры – фу, фигня, всю дорогу или танцевали сами с собой, или сидели и смотрели, как танцуют местные. Чужие-незнакомые приглашать не разбежались.

Ага, съели, да? Вот поэтому Ирка и не любила ходить в незнакомые компании. Стоишь там у стены, как дура, а все танцуют теми, кого знают. И очень мало кто рискнёт пригласить даму, которую видит впервые в жизни. А вдруг она ничего не умеет? А вдруг есть неприглашенная знакомая? А вдруг ещё что-то там?

Ирка написала всем подходящие случаю выражения сочувствия. О том, что сама отлично потанцевала в другом месте, рассказывать не стала. Ну их.

А потом она открыла ещё одно личное сообщение – от не самого близкого знакомого, и узрела там фотку. Из городского сообщества «подслушано».

Ресторан «Три медведя», позавчерашний вечер. Праздник-столики-танцы. И на первом плане она, Ирка Семёркина, целуется с Андреем. Исходная подпись к фотке – с кем это так весело проводит время президент фонда «Алмазный мир»?

Ирка вдохнула-выдохнула, потом перекинула эту фотку Оле. Вообще-то та вечеринка была не для всех, а на таких вроде просят не фотать гостей. Пусть покажет своему Паше. Стоп, там же ещё и Славка был, который Рыльце, можно и ему скинуть, пусть тоже полюбуется. А потом ещё не забыть спросить у Зинаиды, той самой знакомой, приславшей фотку – не видела ли она ещё чего с того же мероприятия? Очень уж любопытно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.